

Налоговое регулирование обращения виртуальных валют: опыт зарубежных стран и перспективы для России

Д. А. Кочергин, Н. В. Покровская, В. Л. Достов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Кочергин Д. А., Покровская Н. В., Достов В. Л. (2020) Налоговое регулирование обращения виртуальных валют: опыт зарубежных стран и перспективы для России. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. Т. 36. Вып. 1. С. 49–76. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.103>

Статья посвящена исследованию налогового регулирования виртуальных валют как нового класса цифровых финансовых активов. Актуальность темы обусловлена растущим использованием виртуальных валют во всем мире в условиях отсутствия унифицированного подхода к их интерпретации и регулированию оборота в денежно-кредитной сфере и области налогообложения. Цель статьи — выявление основных экономико-правовых подходов к интерпретации и налогообложению виртуальных валют в зарубежных странах, а также формирование предложений по обложению операций с виртуальными валютами в России. На основе исследования налогового регулирования виртуальных валют в Сингапуре, Великобритании, США, Японии и Германии определены трактовки виртуальных валют и раскрыты их налоговые последствия. Согласно результатам, в этих странах трактовки виртуальных валют различаются не только на национальном, но и на уровне регулирующих органов внутри стран. При этом установлено, что налогообложение виртуальных валют осуществляется вне явной зависимости от подходов к их регулированию в денежно-кредитной сфере. В большинстве стран доходы, связанные с виртуальными валютами, облагаются подоходными налогами в корпоративной области, при этом тяжесть налогообложения обуславливается национальными условиями обложения прибыли компаний. В то же время в некоторых странах доходы физических лиц полностью освобождены от обложения. Авторы делают вывод о том, что при введении налогового регулирования виртуальных валют в России необходимо не только внедрять лучшие зарубежные практики, но и дополнять их мерами с учетом национальных особенностей налогообложения. Так, несмотря на целесообразность обложения доходов сделок с виртуальными валютами налогом на прибыль организаций, предлагается не облагать их НДФЛ. Вместе с тем освобождение от обложения НДС операций с виртуальными валютами рекомендуется реализовать исключительно в налоговой сфере, не ставя его в зависимость от признания виртуальных валют официальным платежным средством.

Ключевые слова: виртуальные валюты, криптовалюты, криптоактивы, цифровые финансовые активы, налоговое регулирование, налогообложение виртуальных валют, налогообложение криптовалют, налогообложение цифровых финансовых активов.

Введение

На протяжении последних лет активное внедрение новых информационных цифровых технологий привело к появлению в денежно-кредитной и платежной системах, а также на финансовых рынках нового класса активов — виртуальных активов (virtual assets), или криптоактивов (crypto-assets), которые в России принято называть цифровыми финансовыми активами. К их числу можно отнести виртуальные валюты (virtual currencies), стейблкоины (stablecoins), секьюрити токены (security tokens), утилити токены (utility tokens) и др. Большинство цифровых финансовых активов не выполняют в достаточной степени стандартные денежные функции и с точки зрения банковских регуляторов не являются абсолютно безопасными для использования в качестве средства обмена¹, тем не менее они могут осуществлять другие финансовые функции, поскольку охватывают различные по экономико-правовой природе активы: денежные, долевые, долговые. При этом есть нечто общее, что объединяет указанные активы: они создаются на основе использования технологии распределенных реестров (distributed ledger technology)² или блокчейна (blockchain)³, позволяющих хранить всю информацию, связанную с эмиссией, торговлей либо переводом активов, децентрализованно.

Несмотря на широкий спектр цифровых финансовых активов, одну из наиболее значительных ролей среди них играют виртуальные валюты, которые могут выступать в качестве средства платежа, а также сбережения и объекта инвестирования. С функциональной точки зрения виртуальная валюта — это цифровое выражение стоимости, которая может покупаться и продаваться в цифровой форме и функционировать как средство обмена, счетная единица и/или средство сохранения стоимости, но не имеет законного статуса в какой-либо юрисдикции (т.е. не является законным средством платежа в большинстве развитых и развивающихся стран). С институциональной точки зрения виртуальную валюту можно интерпретировать как цифровое выражение стоимости, при этом она выпускается нетрадиционными эмитентами современных форм денег — Центральным банком, кредитными институтами или специализированными эмитентами электронных денег. Вместе с тем виртуальная валюта может ограниченно использоваться в качестве альтернативы общепризнанным формам денег при расчетах в электронных сетях (подр. см.: [Кочергин, 2016]).

¹ Statement on Crypto-Assets. Bank for International Settlements, Basel Committee on Banking Supervision. 13.03.2019. URL: https://www.bis.org/publ/bcbs_nl21.htm (дата обращения: 15.03.2019).

² Понятие «распределенные реестры» означает децентрализованную или распределенную единую систему учета данных по финансовым операциям, состоящую из выстроенных по определенным правилам цепочек из формируемых блоков транзакций, которые используются в децентрализованных схемах виртуальной валюты (Digital Currencies. Bank for International Settlements, The Committee on Payments and Market Infrastructures. 2015. November, p. 5. URL: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d137.pdf> (дата обращения: 15.03.2019). Ключевыми особенностями технологии распределенных реестров являются: 1) децентрализованное распределение равнозначных копий данных между участниками системы; 2) совместное использование и синхронизация данных в системе согласно алгоритму консенсуса; 3) отсутствие администратора, ответственного за генерирование, управление и передачу данных.

³ Блокчейн выступает подвидом распределенных реестров, представляя собой базу данных, состоящую из цепочки блоков, в каждом из которых есть информация о предыдущих. Такая база данных также хранится децентрализованно, одновременно на всех компьютерах участников системы.

Рост интереса к вопросам развития обращения виртуальных валют наблюдается начиная с 2015 г. Он продиктован платежным и инвестиционным потенциалом виртуальных валют в качестве нового цифрового финансового актива. В результате на протяжении 2016–2017 гг. биржевые курсы виртуальных валют неуклонно повышались. 7 января 2018 г. был достигнут рекордный объем капитализации рынка криптовалют, составивший 813,87 млрд долл.⁴ Тем не менее проблемы со скоростью трансакций и растущие издержки майнинга способствовали резкому падению курса основных криптовалют в 2018 г.

Глубокая коррекция рынка виртуальных валют, в результате которой общая капитализация криптовалют с января по декабрь 2018 г. сократилась на 80 %, была связана с двумя факторами — пробелами в регулировании виртуальных валют и технологическим несовершенством большинства существующих на рынке решений. Коррекция курсов ведущих виртуальных валют в 2018 г. также обуславливалась стихийными действиями регуляторов, ослабивших спекулятивную активность на рынке операций с виртуальными валютами. При этом одной из важнейших проблем, препятствующих широкому использованию виртуальных валют в качестве платежного и инвестиционного инструмента не только частными плательщиками и инвесторами, но и кредитными институтами и инвестиционными фондами, является отсутствие комплексной экономико-правовой основы регулирования цифровых финансовых активов. Поэтому своевременность внедрения регуляторных механизмов, в том числе и в налоговой сфере, которая выступает важнейшим инструментом государственного регулирования сферы цифровых финансовых активов, чрезвычайно актуальна, так как интерес к виртуальным валютам со стороны участников финансового рынка и регулирующих органов остается по-прежнему высоким.

Развитие виртуальных валют в связи с их децентрализацией, с одной стороны, и сложностью определения государственной принадлежности опосредуемых ими операций, с другой стороны, представляет собой значительный вызов в различных финансовых сферах, в том числе и в сфере налогообложения. Особенности виртуальных валют создают потенциальную возможность использования их для глобального избежания налогов [Marian, 2013]. В настоящее время налоговые органы различных стран предпринимают попытки обложения операций, связанных с виртуальными валютами, причем теоретическое обоснование подобных налоговых механизмов, как правило, следует за практикой и, вероятно, получит широкую реализацию лишь в ближайшем будущем.

Анализ стихийно формирующихся подходов к налогообложению операций с виртуальными валютами в разных странах, в условиях различных интерпретаций и отсутствия унифицированного подхода к налогообложению цифровых финансовых активов как на национальном, так и на международном уровнях, вызывает бесспорный научно-исследовательский интерес по причине не только введения таких активов в правовое поле в рамках современной цифровой экономики, но и разработки режима налогового регулирования виртуальных валют в Российской Федерации.

Стимулом для разработки налогового регулирования виртуальных валют могут стать международные стандарты в сфере финансово-экономической безопас-

⁴ CoinMarketCap. URL: <https://coinmarketcap.com/charts/> (дата обращения: 27.04.2019).

ности. Например, в октябре 2018 г. Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) внесла изменения в «Рекомендации по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма», признав понятия «виртуальный актив» и «провайдер услуг, связанных с виртуальными активами»⁵. В июне 2019 г. ФАТФ была утверждена пояснительная записка к Рекомендации 15 «Новые технологии», в которой указаны стандарты в отношении виртуальных активов, а также опубликовано руководство о риск-ориентированном подходе к виртуальным активам и провайдерам услуг в сфере виртуальных активов. Эти документы обязывают все страны мира ввести регулирование в отношении провайдеров услуг, связанных с виртуальными активами, сделав их субъектами финансового мониторинга⁶.

Цель статьи — установление основных экономико-правовых подходов к интерпретации и налогообложению виртуальных валют в зарубежных странах, выявление и характеристика подходов к трактовке виртуальных валют⁷ в налоговой сфере, а также формирование предложений по обложению операций с виртуальными валютами в России. Ключевые задачи исследования — определение объекта налогового регулирования в национальном законодательстве и анализ взимаемых по операциям с данным объектом прямых и косвенных налогов.

Исследование подходов к налогообложению виртуальных валют предваряют обзор предшествующих научных публикаций и обоснование выбора анализируемых стран. На примере налогового регулирования виртуальных валют в Сингапуре, США, Великобритании, Японии и Германии обобщаются возможные трактовки данного финансового актива и их налоговые последствия. В заключение делаются выводы о возможности использования зарубежного опыта налогообложения виртуальных валют применительно к налоговому регулированию виртуальных валют в России.

Обзор литературы

В настоящее время в большинстве случаев научные исследования виртуальных валют базируются на практике их применения. Основные публикации по данной тематике представлены зарубежными авторами, мнения которых по поводу последствий возникновения и оборота виртуальных валют разнятся. Многие исследователи высоко оценивают потенциал виртуальных валют для стабилизации

⁵ Regulation of Virtual Assets // Financial Action Task Force on Money Laundering (FATF). URL: <http://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/regulation-virtual-assets.html> (дата обращения: 11.03.2019).

⁶ Public Statement — Mitigating Risks from Virtual Assets. // Financial Action Task Force on Money Laundering (FATF). URL: <http://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/regulation-virtual-assets-interpretive-note.html> (дата обращения: 11.03.2019).

⁷ Несмотря на то что с формальной точки зрения понятия «виртуальная валюта» и «криптовалюта» часто используются в экономических исследованиях как синонимы, они не идентичны. В действительности, «виртуальные валюты» более широкое понятие, могущее включать виртуальные валюты, в основе создания которых лежат иные эмиссионные технологии, нежели блокчейн. Понятие «криптовалюта» обычно используется для обозначения такой виртуальной валюты, в схеме которой эмиссия и учет основываются на технологии асимметричного шифрования и применении различных криптографических методов защиты целостности информации. В рамках настоящего исследования мы допускаем синонимическое использование данных понятий по причине необходимости в унификации объекта налогообложения.

и развития финансового рынка, но при этом отмечают потенциальные риски для их оборота, состоящие в обеспечении доверия к ним, анонимности использования, а также отсутствии инструментов управления их оборотом [Dwyer, 2015; Weber, 2016].

Несмотря на высокую актуальность налогообложения операций с виртуальными валютами, научные исследования данных проблем фрагментарны. В связи с тем, что правовые дискуссии об экономической сущности криптовалют в контексте их налогообложения в Европе были первыми как хронологически, так и по масштабу распространения, больше всего эти вопросы представлены именно в исследованиях европейских авторов [Kowalski, 2015; Bal, 2014; 2015; Munzer, 2013]. Как правило, преобладают обзоры нормативных инициатив и подходов к налоговому регулированию виртуальных валют в разных странах [Bitcoin Regulation..., 2017; Regulation of Cryptocurrency..., 2018].

Кроме того, предпринимаются попытки обобщения практического опыта для выработки теоретических направлений регулирования данной сферы. В частности, А. Бал [Bal, 2014; 2015] рассматривает вопросы налогообложения виртуальных валют (virtual currency) в трех ключевых аспектах: формирование модельного подхода к обложению виртуальных валют; описание налогового законодательства в этой сфере в разных странах; определение направлений совершенствования существующих подходов к взиманию налогов при операциях с виртуальными валютами. Безусловно, указанные аспекты налогообложения привлекают внимание и международных регуляторов. В частности, в ЕС прямое налогообложение виртуальных валют осуществляется в соответствии с национальными законодательствами государств-членов, однако порядок взимания НДС на их территории начиная с 2015 г. соответствует решению Европейского суда (European Court of Justice) о том, что операции по купле и продаже биткойнов (bitcoin)⁸ за фиатные валюты этим налогом не облагаются [Vishnevsky, Chekina, 2018]. Помимо этого, в отчете Организации экономического сотрудничества и развития, выпущенном в марте 2018 г., предполагается в среднесрочной перспективе в рамках развития проекта «Налоговые мероприятия, связанные с цифровизацией» — мероприятия BEPS (Base Erosion and Profit Shifting) — сформировать единые подходы к определению налоговых последствий новых технологий (криптовалют и технологии распределенных реестров)⁹.

Обсуждение законопроектов регулирования цифровых финансовых активов и налогообложения операций с ними в России тоже вызывает интерес со стороны исследователей в части как трактовки сущности виртуальных валют [Кучеров, 2018; Сидоренко, 2018], так и изучения зарубежного опыта взимания налогов по операциям с виртуальными валютами [Пинская, Цаган-Манджиева, 2018; Кучеров, Хаванова, 2017; Кузнецов, Якубов, 2016]. Обзор работ зарубежных и российских авторов демонстрирует значимые отличия: объектом рассмотрения в первых преи-

⁸ Биткойн представляет собой первую и самую большую по объему капитализации криптовалюту в мире. Она была создана в 2008 г. программистом (или группой программистов), известным под ником Сатоши Накамото. На конец апреля 2019 г. ее капитализация составляла около 172,17 млрд долл. (более 50 % от мирового объема рынка виртуальных валют) (CoinMarketCap. URL: <https://coinmarketcap.com> (дата обращения: 27.04.2019 г.)).

⁹ OECD Secretary-General Report to G20 Finance Ministers and Central Banks Governors. Buenos Aires, Argentina March 2018. URL: <https://www.oecd.org/tax/OECD-Secretary-General-tax-report-G20-Finance-Ministers-Argentina-March-2018.pdf> (дата обращения: 20.12.2018).

мущественно являются виртуальные валюты (эту терминологию используют Европейский центральный банк и группа ФАТФ), а во вторых — криптовалюты (данное понятие используется в описанных инициативах ОЭСР).

Виртуальные валюты имеют географически не ограниченную сферу использования, однако национальные подходы к их регулированию весьма различаются в области денежно-кредитных отношений и налогообложения. Налоговые ведомства все большего числа государств выпускают разъяснения о порядке налогообложения операций с виртуальными валютами; однако число стран, в которых они имеют легальный статус, незначительно.

Интерпретация виртуальных валют и текущее развитие их оборота

Виртуальные валюты отличаются как от общепризнанных национальных фидауциарных денег, выпускаемых государственными денежно-кредитными властями, так и от электронных денежных средств, эмитируемых кредитными институтами или специализированными эмитентами по ряду формальных и сущностных критериев [Кочергин, 2017].

К основным особенностям виртуальных валют относятся следующие.

Доверительный механизм формирования стоимости. Виртуальные валюты являются активами, стоимость которых определяется спросом и предложением. В основе их стоимости лежит схожая концепция с таким товаром, как золото. Однако, в отличие от товаров, они имеют нулевую внутреннюю стоимость. В результате их стоимость основывается только на вере в то, что они могут быть обменены на другие товары или услуги либо на определенное количество национальной валюты в более поздний момент времени.

Обеспечение прямого обмена электронной стоимостью. До недавнего времени при прямом товарном обмене между сторонами без участия посредников в расчетах могли использоваться только наличные деньги. Ключевое новшество схем виртуальной валюты состоит в использовании технологии распределенных реестров, которая гарантирует удаленный обмен стоимостью при отсутствии доверия между сторонами и без участия посредников.

Институциональный механизм, в котором управление информационными и финансовыми транзакциями осуществляется без участия посредников. Большинство схем виртуальных валют не управляются каким-либо определенным лицом или учреждением. Это отличает их от систем электронных денег, имеющих одного или более эмитентов стоимости, которые несут на себе обязательства по возмещению электронных денег. Децентрализованный характер основной части виртуальных валют предполагает отсутствие каких-либо идентифицируемых операторов схем, в качестве которых обычно выступают кредитные институты или специализированные эмитенты в случае электронных денег [Кочергин, 2011].

Следует заметить, что в настоящее время более чем в 110 странах виртуальные валюты легализованы¹⁰. Тем не менее интерпретация виртуальных валют, их

¹⁰ Легализация не означает, что операции с виртуальными валютами в данных странах регулируются специальными юридическими нормами и являются комплексными. Регулирование может носить частичный характер, затрагивающий лишь конкретные виды деятельности или операции

правовой статус, а также наличие или отсутствие разных ограничений на операции с виртуальными валютами по-прежнему значительно различаются между странами. В целом страны с рыночной экономикой и высоким уровнем экономического развития имеют более благоприятный регуляторный режим в отношении виртуальных валют, чем страны с развивающимися или формирующимися рынками.

В табл. 1 представлены разные подходы к интерпретации виртуальных валют в целях осуществления денежно-кредитного регулирования в странах «Большой двадцатки».

Таблица 1. Интерпретация виртуальных валют в странах G20

Страна	Правовой статус	Денежно-кредитная сфера			
		Имущество	Валюта	Бартерная форма обмена	Товар
Австралия	Законны	+			
Аргентина	Законны	+			
Бразилия	Законны				+
Великобритания	Законны	+			
Германия	Законны		+		
Индия	Ограничены*	+			
Индонезия	Ограничены*				+
Италия	Законны		+		
Канада	Законны			+	
Китай	Ограничены*				+
Мексика	Законны		+		
Россия	Законны	Не классифицированы			
Саудовская Аравия	Незаконны				
Сингапур**	Законны		+		
США	Законны	+			
Турция	Законны				+
Франция	Законны				+
Южная Корея	Законны	Не классифицированы			
ЮАР	Законны		+		
Япония	Законны		+		

Примечание: * — регулируются только отдельные виды деятельности в сфере виртуальных валют либо определенные операции с виртуальными валютами запрещены; ** — Сингапур добавлен в таблицу вместо стран ЕС как единого экономического пространства, так как в них в настоящее время нет унифицированной позиции в отношении интерпретации виртуальных валют; + — наличие соответствующей интерпретации виртуальных валют в данной стране.

Составлено по: данные национальных денежно-кредитных регуляторов стран G20 на конец 2019 г.; Coin Dance. Global Bitcoin Political Support & Public Opinion. URL: <https://coin.dance/poli> (дата обращения: 17.02.2020).

Как видно из табл. 1, в странах G20 в настоящее время в денежно-кредитной сфере не существует единой интерпретации виртуальных валют. Кроме того, как показывает дальнейшее исследование, интерпретация виртуальных валют для це-

отдельных институтов, и относиться только к денежно-кредитной системе или сфере налогообложения.

лей денежно-кредитного регулирования и налогового регулирования может также различаться даже на национальном уровне.

Значение виртуальных валют как в платежной, так и в финансовой сфере на протяжении последних лет неуклонно повышается по мере роста их капитализации, расширения сферы и направления их использования, увеличения количества платежных транзакций, снижения их стоимости и увеличения скорости совершения платежей. В конце апреля 2019 г. в обороте находилось более 2140 виртуальных валют с объемом капитализации более 171,14 млрд долл.¹¹ Крупнейшими и наиболее известными виртуальными валютами являлись: Bitcoin, Ethereum, XRP, Litecoin, EOS и Bitcoin Cash. При этом объем транзакций в сети Bitcoin за 2018 г. превысил 3,3 трлн долл., что в шесть раз больше, чем у платежной системы PayPal, и в 16,5 раз — чем у Western Union¹². Ежедневный объем торгов крупнейшей в мире криптовалютой Bitcoin в марте 2019 г. превзошел 11 млрд долл., что стало самым значительным показателем за 24-часовой период начиная с апреля 2017 г.¹³

Страновой анализ подходов к налоговому регулированию виртуальных валют

Для обобщения экономико-правовых подходов к налогообложению виртуальных валют в настоящее исследование включены страны, в которых операции с виртуальными валютами являются законными, в государствах — новаторах налогового регулирования в этой сфере, финансовые рынки которых наиболее инновационны (Сингапур, Великобритания, США, Япония и Германия).

Прямое и косвенное налогообложение операций с виртуальными валютами в Сингапуре

Сингапур является одной из немногих стран в мире, где созданы благоприятные условия для развития стартапов и привлечения венчурных капиталов в инновационные сферы финансового рынка в целом и сферу виртуальных валют в частности.

В соответствии с подходом Денежно-кредитного управления Сингапура (Monetary Authority of Singapore — MAS) под виртуальной валютой в стране подразумевают «конкретный тип цифрового токена, который обычно функционирует как средство обмена, единица учета или хранилище стоимости»¹⁴. Таким образом, толкование понятия виртуальных валют в Сингапуре и, соответственно, сфера налогового регулирования весьма широки. Виртуальные валюты не являются в стране законным платежным средством.

¹¹ CoinMarketCap. URL: <https://www.coindesk.com/> (дата обращения: 27.04.2019).

¹² Bitcoinexchangeguide. URL: <https://bitcoinexchangeguide.com/bitcoin-btc-transaction-volume-in-2018-surpasses-paypals-performance-via-satoshi-capital-data/> (дата обращения: 26.05.2019).

¹³ CoinMarketCap. URL: <https://www.coindesk.com/bitcoin-trading-volume-tops-11-billion-for-first-time-in-nearly-a-year> (дата обращения: 26.03.2019).

¹⁴ MAS Clarifies Regulatory Position on the Offer of Digital Tokens in Singapore // The Monetary Authority of Singapore URL: <http://www.mas.gov.sg/News-and-Publications/Media-Releases/2017/MAS-clarifies-regulatory-position-on-the-offer-of-digital-tokens-in-Singapore.aspx> (дата обращения: 20.12.2018).

Налоговое регулирование виртуальных валют в Сингапуре осуществляется Управлением внутренних доходов Сингапура (Inland Revenue Authority of Singapore — IRAS) в рамках обложения доходов бизнеса¹⁵ и косвенного налогообложения¹⁶. Базовая ставка налога на доходы (без учета льгот и освобождений) составляет 17 %. При этом предполагается частичное освобождение от налогообложения 75 % из первых 10 тыс. синг. долл. (около 7,5 тыс. долл. США) и 50 % — из следующих 290 тыс. синг. долл. в 2019 г. и 190 тыс. синг. долл. начиная с 2020 г. (215 тыс. и 140 тыс. долл. США соответственно). Для стартапов в течение первых трех лет после создания первые 100 тыс. синг. долл. дохода исключены из налогообложения, а 50 %-е освобождение доходов применяется уже с последующих 200 тыс. синг. долл. в 2019 г. и 100 тыс. синг. долл. с 2020 г. (100 тыс. и 75 тыс. долл. США соответственно) [PWC, 2018, p. 2264]. По данной ставке облагаются все доходы бизнеса, связанные с виртуальными валютами: от майнинга и от обычной предпринимательской деятельности по торговле и обмену виртуальных валют. По аналогии с налогооблагаемыми доходами от любых других источников предполагается их уменьшение на налоговые вычеты (предусмотренные в налоговом законодательстве расходы от соответствующей деятельности). При получении виртуальных валют в качестве оплаты реализованных товаров, работ, услуг их стоимость учитывается в сингапурских долларах и далее облагается налогом на доходы в обычном порядке. Причем доходы от роста стоимости валюты, приобретенной компаниями для инвестиционных целей, не облагаются. Доходы физических лиц от майнинга, торговли виртуальными валютами или инвестирования в них также освобождены от обложения.

Более широкую сферу применения имеет косвенное налогообложение обращения виртуальных валют. Ключевым косвенным налогом является налог на товары и услуги (goods and service tax — GST), который взимается по ставке 7 % от реализации на территории страны товаров и услуг. Освобождены от уплаты данного налога финансовые услуги, продажа и аренда объектов жилья, импорт и реализация на территории страны драгоценных металлов. Ставка 0 % применяется к экспорту товаров и услуг. Плательщиками налога на товары и услуги являются компании с оборотом более 1 млн синг. долл. в год [PWC, 2018, p. 2265–2266] (более 720 тыс. долл. в США). Взимание налога на товары и услуги предполагает возможность зачета налога в связи с приобретением материалов и основных фондов по аналогии с налогом на добавленную стоимость.

Для целей взимания налога на товары и услуги в Сингапуре виртуальные валюты не считаются «деньгами», «валютой» или «товарами». Поставка виртуальной валюты рассматривается как услуга, которая не подпадает под действие освобождения от взимания налога. Таким образом, компании, которые признаются плательщиками налога на товары и услуги, рассчитывают налог при реализации виртуальных валют с комиссии агента в агентских отношениях, со сборов по сдел-

¹⁵ Income Tax Treatment of Virtual Currencies // Inland Revenue Authority of Singapore. URL: <https://www.iras.gov.sg/irashome/Businesses/Companies/Working-out-Corporate-Income-Taxes/Specific-topics/Income-Tax-Treatment-of-Virtual-Currencies/> (дата обращения: 20.12.2018).

¹⁶ GST Treatment: Sale of Virtual Currency // Inland Revenue Authority of Singapore. URL: <https://www.iras.gov.sg/IRASHome/GST/GST-registered-businesses/Specific-business-sectors/e-Commerce/#title5> (дата обращения: 20.12.2018).

кам с виртуальной валютой. Использование компаниями виртуальной валюты для оплаты товаров или услуг квалифицируется как бартерная сделка. Выделяются два этапа сделки: первый — это поставка товаров и услуг, а второй — встречная поставка виртуальной валюты. Формально налог на товары и услуги взимается на каждом этапе, если каждая из сторон выступает плательщиком налога. Импорт товаров, оплачиваемый виртуальными валютами, подлежит такому же порядку взимания налога на товары и услуги, что и импорт, оплаченный не виртуальными валютами.

Налогообложение криптоактивов в Великобритании

Современное налогообложение виртуальных валют в Великобритании, в сравнении с рассматриваемыми государствами, носит более комплексный характер и является элементом разрабатываемого общего подхода к налогообложению криптоактивов в стране.

В июле 2018 г. в Великобритании был опубликован финальный отчет по криптоактивам (Cryptoassets Taskforce: final report, CATF)¹⁷, подготовленный совместно с Управлением по налогам и таможенным пошлинам Великобритании (Her Majesty's Revenue and Customs — HMRC), Финансовым управлением (Financial Conduct Authority— FCA) и Банком Англии, в котором выражена согласованная позиция по поводу криптоактивов и технологии распределенных реестров в финансовой сфере.

В соответствии с данным отчетом, криптоактив — это криптографически защищенное цифровое представление стоимости или договорных прав, которое используется при том или ином типе технологии распределенных реестров и может передаваться, храниться или торговаться в электронном виде. В 2018 г. признавалось наличие около 2 тыс. видов криптоактивов, их рынок постоянно развивается.

Согласно финальному отчету по криптоактивам, выделяются три основных их типа: обменные токены (exchange tokens), секьюрити-токены (security tokens), утилити-токены (utility tokens). Криптовалюты (биткойн, лайткойн и их эквиваленты) относятся к обменным токенам. Этот тип токенов использует платформу технологии распределенных реестров, причем они не выпускаются или не поддерживаются центральным банком страны либо централизованными финансовыми институтами, не предоставляют права или возможности, обеспечиваемые секьюрити токенами либо утилити токенами, но используются в качестве средства обмена или для инвестиционных целей. Криптоактивы в целом и криптовалюты в частности не являются в Великобритании платежным средством.

Управление по налогам и таможенным пошлинам Великобритании впервые продемонстрировало свою позицию относительно налогообложения криптовалют еще в марте 2014 г. в Аналитическом отчете № 9 «Биткойн и другие криптовалюты»¹⁸. Прямое определение криптовалют в нем не приведено. В отчете подчеркнуто, что криптовалюты имеют уникальную идентичность и не могут быть напрямую сопо-

¹⁷ Cryptoassets Taskforce: Final Report // HM Revenue & Customs. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/cryptoassets-taskforce> (дата обращения: 08.02.2019).

¹⁸ Revenue and Customs Brief 9 (2014): Bitcoin and Other Cryptocurrencies // HM Revenue & Customs. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/revenue-and-customs-brief-9-2014-bitcoin-and-other-cryptocurrencies> (дата обращения: 08.02.2019).

ставлены с какой-либо другой формой инвестиционной деятельности или платежным механизмом.

В 2014 г. HMRC указывало, что финансовые результаты сделок компаний с биткойнами облагаются налогом на прибыль и на прирост капитала в соответствии с обычными правилами, которые не были уточнены. HMRC предполагало, что каждая ситуация будет рассмотрена, исходя из ее индивидуальных фактов и обстоятельств и для определения правильного режима налогообложения будут использоваться соответствующее законодательство и прецедентное право. Базовая ставка налога на прибыль корпораций, применяемая и к приросту капитала, в Великобритании в 2019 г. составляла 19 %, а с апреля 2020 г. планируется ее снижение до 17 % [PWC, 2018, p. 2669].

В декабре 2018 г. HMRC опубликовало программный документ «Криптоактивы для частных лиц»¹⁹, который является конкретизацией финального отчета по криптоактивам SATF применительно к налогообложению. Сфера регулирования данного документа определяется как криптоактивы (в качестве синонима используется понятие «криптовалюта»), под которыми подразумеваются криптографически защищенные цифровые представления стоимости или договорных прав, которые могут передаваться, храниться и торговаться в электронном виде.

По мнению HMRC, чаще всего криптоактивы приобретаются гражданами в целях личных инвестиций с ожиданием роста их стоимости или для сохранения средств на приобретение определенных товаров. Для физических лиц криптоактивы влекут налоговые последствия по подоходному налогу, налогу на прирост капитала и налогу на наследование.

Подоходный налог в 2018–2019 гг. взимался в Великобритании по прогрессивным ставкам от 20 до 43 % с освобождением от обложения первых 11 850 ф. ст. дохода²⁰; при расчете налогооблагаемого дохода применяются различные вычеты и освобождения. Налог на прирост капитала взимается по ставке 10 % по доходу до 46 350 ф. ст. и 20 % — для дохода, превышающего указанное значение.

Подоходный налог в Великобритании имеет приоритет над налогом на прирост капитала, если торговля криптоактивами является основным видом деятельности налогоплательщика. При этом взимание подоходного налога осуществляется по правилам, применяемым к ценным бумагам и другим финансовым продуктам, — с возможностью суммировать убытки от торговли одними криптоактивами с доходом от торговли другими криптоактивами. Криптоактивы, полученные в качестве вознаграждения по трудовой деятельности, облагаются, как и вознаграждение в фиатных деньгах. В случае появления криптоактивов в результате майнинга, доходы от него, уменьшенные на соответствующие расходы, а также комиссионные или вознаграждение за майнинг, облагаются подоходным налогом. При получении криптоактивов в результате аирдропов (airdrops)²¹ подоходный налог не будет взиматься.

¹⁹ Cryptoassets for Individuals // HM Revenue & Customs. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/tax-on-cryptoassets/cryptoassets-for-individuals> (дата обращения: 08.02.2019).

²⁰ Income Tax Rates and Personal Allowances // HM Revenue & Customs. URL: <https://www.gov.uk/income-tax-rates> (дата обращения: 08.02.2019).

²¹ Аирдроп — это процесс бесплатной раздачи цифровых токенов или цифровых монет, направленный на популяризацию совершенно новой криптовалюты, которой еще нет на биржах, но ее предварительная продажа уже началась.

маться при появлении криптовалют без каких-либо встречных действий, вне рамок торговли или бизнеса, включающего майнинг.

При продаже криптоактивов может возникнуть объект налога на прирост капитала. Согласно HMRC, именно инвестиционная деятельность является приоритетной целью купли-продажи криптоактивов физическими лицами. Объект обложения налогом на прирост капитала возникает в момент реализации криптоактивов (т.е. в момент их продажи за фиатные деньги, обмена одного типа криптоактивов на другой, использования цифровых активов для оплаты товаров или услуг, передачи криптоактивов другому человеку) и облагается по базовым ставкам налога на прирост капитала. При этом для целей налога на наследство криптоактивы считаются имуществом.

Следует отметить и позицию HMRC по подходам к обложению криптовалют налогом на добавленную стоимость. Еще до решения Европейского суда 2015 г. об освобождении биткойна от обложения НДС в связи с экономической природой этой криптовалюты, которая соответствует не товару, а валюте, схожей логике придерживалось и HMRC в отчете 2014 г. В отношении биткойнов и подобных криптовалют предполагалось, что доход, полученный при майнинге, а также операции по обмену биткойна на фиатные деньги, налогом не облагаются, так как не подпадают под сферу взимания НДС; иные операции, связанные с биткойнами, освобождаются от обложения в соответствии со ст. 135, п. 1, подпункт (d) «Директивы ЕС о налоге на добавленную стоимость»²². При этом при поставке любых товаров или услуг в обмен на биткойн или другую подобную криптовалюту НДС взимается в обычном порядке.

Правила налогообложения криптоактивов в Великобритании являются новаторскими как в косвенном налогообложении, так и с точки зрения детализации условий взимания налогов, прежде всего для операций с криптоактивами физических лиц. Необходимо также отметить обоснованность налогообложения, базирующегося на первоначальной дифференциации криптоактивов, в соответствии с их природой и функциями.

Обложение виртуальных валют федеральными налогами в США

Американский финансовый рынок является одним из наиболее развитых в мире. Поэтому подходы к налогообложению виртуальных валют в США играют большую роль при выборе режима налогового регулирования в тех странах, которые имеют тесные экономические и финансовые отношения с этим государством.

В соответствии с «Актом об унифицированных правилах деятельности в области виртуальных валют» (Uniform Regulation of Virtual Currency Businesses Act), принятым в США в 2017 г.²³, под виртуальной валютой понимается цифровое представление стоимости. При этом виртуальная валюта может использоваться как средство обмена, единица учета или средство хранения стоимости, но не является законным платежным средством.

²² Directive 2006/112/EC — the EU's Common System of Value Added Tax (VAT). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=legisum:l31057> (дата обращения: 08.02.2019).

²³ Uniform Regulation of Virtual Currency Businesses Act. URL: <https://www.uniformlaws.org/HigherLogic/System/DownloadDocumentFile.aspx?DocumentFileKey=a091c6a7-2cc0-6650-35ef-f0976ab461f9&forceDialog=1> (дата обращения: 20.12.2018).

В связи с особенностями налогового федерализма в США полная характеристика режимов обложения операций с виртуальными валютами требует отдельного исследования, обобщающего правила и условия взимания налогов на следующих уровнях: федеральном, штатов и местном. Осознавая очевидные ограничения, остановимся исключительно на федеральном регулировании взимания налогов по данным сделкам.

Служба внутренних доходов США (International Revenue Service — IRS) выпустила в 2014 г. «Руководство о виртуальных валютах» (IRS Notice 2014-21)²⁴, посвященное налогообложению федеральными налогами транзакций с использованием биткойнов или подобных виртуальных валют. Объектом внимания IRS являются именно виртуальные валюты, которые могут использоваться для оплаты товаров или услуг либо для инвестиций. При этом, согласно IRS, виртуальная валюта представляет собой цифровое представление стоимости, которое функционирует как средство обмена, единица счета и средство сохранения стоимости. В ряде случаев виртуальные валюты могут выступать средством обмена подобно наличным деньгам, но при этом они не имеют статуса законного платежа.

В соответствии с подходом IRS виртуальная валюта, которая имеет эквивалентную стоимость в реальной валюте или заменяет реальную валюту, называется конвертируемой виртуальной валютой. Например, биткойн — один из примеров конвертируемой валюты, так как он может торговаться в цифровой форме между пользователями, быть приобретен или обменен на другие фиатные или виртуальные валюты²⁵. В целом продажа или обмен конвертируемой виртуальной валюты или использование ее для оплаты товаров или услуг в транзакции в реальной экономике имеют налоговые последствия, способные привести к налоговым обязательствам.

Что касается общего порядка обложения доходов корпораций, то по итогам налоговой реформы начиная с 2018 г. ставка федерального налога на доходы корпораций была снижена с 35 до 21 %; при этом предусмотрено большое количество исключений, льгот и освобождений [PWC, 2018, p. 2699], которые делают возможной более низкую эффективную ставку налога. Для целей данного налога виртуальная валюта рассматривается как имущество.

Применительно к налогообложению операции с использованием виртуальной валюты в США должны отражаться также в долларах США по справедливой рыночной стоимости виртуальной валюты на дату платежа или получения оплаты. Если виртуальная валюта торгуется на бирже и ее обменный курс устанавливается рыночным спросом и предложением, то справедливая рыночная стоимость виртуальной валюты определяется путем преобразования виртуальной валюты в доллары США по единым и постоянным принципам.

Компании и физические лица, которые получают виртуальную валюту в качестве оплаты товаров, работ или услуг, справедливую рыночную стоимость вир-

²⁴ Notice 2014-21 // Internal Revenue Service. URL: <https://www.irs.gov/pub/irs-drop/n-14-21.pdf> (дата обращения: 20.12.2018).

²⁵ Подробнее о конвертируемых виртуальных валютах см.: Guidance on the Application of FinCEN's Regulations to Persons Administering, Exchanging, or Using Virtual Currencies (FIN-2013-G001) // FinCEN. URL: <https://www.fincen.gov/sites/default/files/shared/FIN-2013-G001.pdf> (дата обращения: 20.12.2018).

туальной валюты в долларах США на дату получения оплаты включают в валовой доход. При майнинге справедливая рыночная стоимость виртуальной валюты на дату получения входит в валовой доход. Если майнинг виртуальной валюты представляет собой торговую или коммерческую деятельность, а майнер не выступает как нанятый работник, то его чистый доход (рассчитываемый как валовой доход от бизнеса, уменьшенный на разрешенные вычеты), возникающий в результате такой деятельности, является доходом от самозанятости и облагается соответствующим налогом. Справедливая рыночная стоимость виртуальной валюты при ее получении за услуги, выполняемые в качестве независимого подрядчика, измеренная в долларах США на дату получения, также представляет собой доход от самозанятости и подлежит налогообложению. Платеж с использованием виртуальной валюты регулируется так же, как и любой другой платеж.

Налог на обычные доходы и налог на прирост капитала от долгосрочного владения виртуальной валютой корпорациями взимается по единой ставке, равной 21 %. Для физических лиц прирост стоимости виртуальной валюты при ее реализации после владения менее одного года облагается по базовой ставке подоходного налога — от 10 до 37 %, в зависимости от уровня личных доходов и обстоятельств уплаты налога. При реализации виртуальной валюты, находящейся в собственности более одного года, верхний порог налога на доходы физических лиц ограничен 15 % (для состоящих в браке лиц, подающих налоговую декларацию совместно, с максимальным налогооблагаемым доходом в размере 479 тыс. долл. США и 425 800 долл. США — для налогоплательщиков, не состоящих в браке) и 20 % — для доходов, превышающих указанное ограничение [EY, 2018, p. 1557].

Вплоть до 2018 г. обмен одних криптовалют на другие в США не порождал налоговых последствий. Это позволяло трейдерам отсрочить уплату налога в связи с краткосрочным приростом капитала до момента обмена виртуальной валюты на фиатные или при оплате виртуальными валютами. Начиная с 2018 г. все транзакции с криптовалютами подпадают под налогообложение.

Косвенное налогообложение представлено в США налогом с продаж, взимаемым на уровне штатов. Схема взимания налога с продаж существенно отличается от обложения добавленной стоимости. Обобщение различных подходов властей штатов США в части взимания налога с продаж при сделках с виртуальными валютами (при том, что в большинстве штатов эти подходы не представлены законодательно) — отдельная исследовательская задача.

Налог на доходы от криптовалют в Японии

Япония является наиболее развитой страной как по использованию виртуальных валют в платежной и финансовой сферах, так и с позиции законодательства в этой области.

Регулирование виртуальных валют и прежде всего биткойна началось в Японии в 2014 г. Однако существенные изменения в трактовке виртуальных валют произошли с 2017 г., когда они стали регулироваться Законом о платежных услугах²⁶.

²⁶ Payment Services Act (english translation). URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?id=3078&vm=02&re=02> (дата обращения: 08.02.2019).

В соответствии с этим законом под виртуальной валютой (仮想通貨; virtual currency) понимается стоимость имущества, которая может: 1) использоваться в качестве оплаты за покупку или аренду товаров или предоставление услуг; 2) быть куплена или продана; 3) передаваться через электронную систему обработки данных. С 2017 г. биткойны и другие виртуальные валюты в Японии являются официально признанным платежным средством. В настоящее время сфера виртуальных валют выступает предметом денежно-кредитного регулирования в Японии.

В 2014 г. предполагалось, что доходы, связанные с виртуальными валютами, будут облагаться в Японии налогом на прибыль корпораций, налогом на доходы физических лиц и налогом с продаж. Однако конкретизация порядка налогообложения произошла с 2017 г. после разъяснений Национального налогового агентства Японии (National Tax Agency — NTA).

В настоящее время доходы, возникшие в связи с использованием биткойна и других виртуальных валют, облагаются налогом на прибыль по аналогии с доходами, связанными с иностранной валютой, и относятся к разным доходам²⁷. Национальная ставка налога на прибыль корпораций в Японии составляет 23,4 %. Для корпораций с капиталом в размере не более 100 млн иен (около 1 млн долл. США) к первым 8 млн иен налогооблагаемой прибыли применяется ставка в размере 15 %. Компании и физические лица также уплачивают местный налог на доходы бизнеса и населения со средней ставкой около 10 %. В результате эффективная ставка налога на прибыль (включающая и обложение прироста капитала) для компаний, облагаемых базовой ставкой 23,4 %, составляет приблизительно 34 %; для компаний среднего бизнеса эффективная ставка снижается до 30 % [PWC, 2018, p. 1284].

Следует отметить, что в 2019 г. национальный налог на доходы физических лиц взимается в Японии по прогрессивной ставке: от 5 % — с дохода свыше 1 млн 950 тыс. иен (около 1800 долл. США) до 45 % — с дохода свыше 40 млн иен (около 360 тыс. долл. США). Местные налоги на доход физических лиц включают налог префектуры (фиксированная ставка 4 % плюс 1 тыс. иен) и налог муниципалитета (фиксированная ставка 6 % плюс 3 тыс. иен), а также дополнительный платеж в размере 1 тыс. иен при уплате местного налога с жителей. Таким образом, совокупная ставка обложения доходов физических лиц от обычных источников составляет от 15 до 55 %. Налог на прирост капитала, которым облагаются доходы от продажи ценных бумаг, валюты и подобные доходы, достигает 20 % (включая 15 % национального налога и 5 % местных налогов) [EY, 2018, p. 747–748].

В соответствии с разъяснениями Национального налогового агентства Японии²⁸, доходы физических лиц, связанные с биткойном, классифицируются как прочие доходы (на которые не распространяются нормы налога на прирост капитала) и потому облагаются базовым налогом по прогрессивной ставке от 15 до 55 %. При этом первые 200 тыс. иен (около 1800 долл. США) дохода освобождены от обложения. Обложение прироста стоимости биткойна в качестве обычного дохода, а не по аналогии с валютными доходами или доходами по ценным бумагам, фактически означает, что для расчета налога на доходы физических лиц биткойн

²⁷ Taxation Relationship When Profit Arises by Using No.1524 Bitcoin. Corporate Profit Tax. URL: <https://www.nta.go.jp/m/taxanswer/1524.htm> (дата обращения: 08.02.2019).

²⁸ Taxation Relationship When Profit Arises by Using No.1524 Bitcoin. Income Tax. URL: <https://www.nta.go.jp/taxes/shiraberu/taxanswer/shotoku/1524.htm> (дата обращения: 08.02.2019).

трактуются не как валюта, а скорее как имущество, что несколько противоречит подходу в денежно-кредитном регулировании и при взимании иных налогов.

Косвенное налогообложение представлено в Японии налогом с продаж, который с октября 2019 г. взимается по ставке 10 %. Модель налога не предполагает обложение добавленной стоимости на каждом этапе реализации продукции, а применяется лишь к конечным потребителям товаров. В целом налог с продаж в Японии имеет много общего с таковым в США, за исключением того, что он устанавливается на центральном уровне и не предполагает различий по территориям. С 2014 г. продажа виртуальной валюты облагалась налогом с продаж по ставке в размере 8 %. Однако с 2017 г. соответствующие сделки освобождены от обложения налогом с продаж, что обусловлено прежде всего признанием виртуальных валют официальным платежным средством.

В связи со статусом официального платежного средства, с одной стороны, и особенностями косвенного налогообложения (отсутствием налога на добавленную стоимость), с другой стороны, сами операции с биткойнами налогами в Японии не облагаются. Однако налоги на результаты этих операций с 2017 г. являются весьма высокими. Поэтому в 2019–2020 гг. в Японии планируется упростить налогообложение виртуальных валют, чтобы стимулировать их более широкое использование в рамках национальной юрисдикции²⁹.

Налогообложение операций с виртуальными валютами в Германии

Германия является одной из наиболее развитых европейских стран, которая на государственном уровне признала на своей территории виртуальные валюты в качестве средства платежа.

Первая официальная позиция по юридической квалификации виртуальных валют была сформулирована Немецким федеральным агентством по финансовому надзору (BaFin) в декабре 2013 г. Виртуальные валюты, по мнению ведомства, следовало рассматривать как «расчетные единицы», в соответствии с гл. 1, пар. 1, ч. 11, п. 1 «Закона о банках»³⁰. При этом «расчетные единицы» не являются валютой в полном смысле этого слова, однако подходят для использования в бартерных сделках на основании соглашения между покупателем и продавцом [Munzer, 2013].

Децентрализованные виртуальные валюты (не имеющие центрального эмитента), по мнению немецких регуляторов, не выступают в качестве валюты в традиционном смысле, поскольку отсутствует лицо, к которому могут быть предъявлены права требования. Так как в коммунитарном (общеевропейском) праве аналоги «расчетных единиц» отсутствуют, их можно считать локально используемой юридической моделью³¹. Тем не менее использование этого института не позволяет сформировать единую позицию по регулированию виртуальных валют, и по со-

²⁹ Japan Contemplates Scrapping Its Progressive Crypto Tax Rate. URL: <https://news.bitcoin.com/japan-revise-crypto-tax/> (дата обращения: 08.02.2019).

³⁰ Gesetz über das Kreditwesen // Kreditwesengesetz (KWG) URL: <https://www.bundesbank.de/resource/blob/598164/33f5c8b9c7b0ee4879f45797f29632af/mL/gesetz-ueber-das-kreditwesen-kwg-data.pdf> (дата обращения: 08.02.2019).

³¹ Kunschke D., Henkelmann S. Blockchain & Cryptocurrency Regulation 2019. URL: <https://www.globallegalinsights.com/practice-areas/blockchain-laws-and-regulations/germany> (дата обращения: 11.03.2019).

стоянию на март 2019 г. в Германии она отсутствовала. Каждый случай выпуска виртуальных валют предлагается рассматривать отдельно, исходя из конкретных обстоятельств их эмиссии.

В части налогообложения сделок с виртуальными валютами немецкие финансовые органы опираются на решение Европейского суда по делу Шведского агентства по налогам (Skatteverket) против Д. Хэдквиста касательно применения Директивы о НДС к сделкам с виртуальными валютами. Так, в 2015 г. Европейский суд постановил, что виртуальные валюты нельзя расценивать как «физическое имущество». Таким образом, обмен виртуальной валюты на фиатную валюту и обратно следует трактовать как отдельную услугу. В целях расчета налога на добавленную стоимость данная услуга освобождается от НДС как обмен валюты³².

27 февраля 2018 г. Министерство финансов ФРГ опубликовало специальное разъяснение относительно налогообложения операций с виртуальными валютами. В нем вновь подчеркнуто, что услуги по обмену виртуальной валюты на фиатную освобождены от налога на добавленную стоимость, но только в том случае, если виртуальная валюта выступает в качестве средства платежа. Например, покупка виртуальной валюты, которая используется в онлайн-играх для улучшения игрового процесса, будет формировать налогооблагаемую базу по НДС³³.

По мнению Министерства финансов, доходы майнеров также не выступают объектом налогообложения: комиссии, которые они получают от пользователей, выплачиваются на добровольной основе и являются компенсацией за поддержание сети. Доходы от продажи виртуальной валюты (т. е. если цена продажи выше, чем цена покупки) облагаются налогом на прирост капитала в размере 25–28 %. Базовая ставка налога составляет 25 %, к ней также могут быть добавлены церковный налог, налоговая надбавка в поддержку солидарности (направляется на поддержку земель бывшей ГДР)³⁴. При этом если срок владения виртуальными валютами превышает один год, то ставка налога равна 0 %. Указанные разъяснения не делают различий между налогообложением юридических и физических лиц.

Несмотря на отсутствие специальных разъяснений по вопросу налогообложения доходов полученных от реализации товаров и услуг и выраженных в виртуальной валюте, равно как и доходов в фиатной валюте, можно предположить, что такие доходы будут формировать налоговую базу по подоходному налогу. Значит, в Германии виртуальные валюты, с точки зрения налогообложения, фактически приравнены к фиатной валюте. В этой связи позиция немецких налоговых органов представляется весьма последовательной и, возможно, в перспективе она будет стимулировать именно «платежную» составляющую виртуальных валют. В подтверждение этого 2 марта 2020 г. BAFIN впервые признало, что виртуальная валюта

³² Case C-264/14 // Judgment of the Court (Fifth Chamber) 22.10.2015. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62014CJ0264> (дата обращения: 08.02.2019).

³³ Umsatzsteuerliche Behandlung von Bitcoin und anderen sog. virtuellen Währungen; EuGH-Urteil vom 22. Oktober 2015, C-264/14, Hedqvist // Bundesministerium der Finanzen. 27.02.2018. URL: https://www.bundesfinanzministerium.de/Content/DE/Downloads/BMF_Schreiben/Steuerarten/Umsatzsteuer/Umsatzsteuer-Anwendungserlass/2018-02-27-umsatzsteuerliche-behandlung-von-bitcoin-und-anderen-sog-virtuellen-waehrungen.html (дата обращения: 08.02.2019).

³⁴ Tax Rates (Germany) // KPMG. URL: <https://home.kpmg/xx/en/home/insights/2011/12/germany-income-tax.html> (дата обращения: 11.03.2019).

может приниматься в качестве средства обмена, а также передаваться, храниться и торговаться в электронном виде³⁵.

Таким образом, в рассмотренных странах наблюдаются различные подходы к изучению экономической сущности виртуальных валют для целей налогообложения. Исследование показало, что трактовки виртуальных валют в налоговой сфере могут не совпадать даже внутри одной страны для разных видов налогов, как это имеет место в Великобритании.

Перспективы обложения налогами операций с цифровыми финансовыми активами в России

В настоящее время в России не существует узаконенного порядка налогообложения операций с цифровыми финансовыми активами в целом и с виртуальными валютами в частности. С 2017 г. законодательные инициативы регулирования виртуальных валют в нашей стране разрабатываются в контексте их толкования в рамках цифровых финансовых активов. Однако, учитывая постоянно растущие масштабы деятельности в сфере виртуальных валют, попытки введения регулирования в отношении виртуальных валют начали предприниматься еще в 2014 г. Так, пресс-служба Центрального банка РФ в январе 2014 г. выпустила информацию о «Об использовании при совершении сделок “виртуальных валют”, в частности, Биткойн»³⁶, в котором виртуальные валюты были увязаны с денежными суррогатами. При этом само понятие «денежный суррогат» ЦБ никак не определял.

В 2016–2017 гг. возможности правового регулирования сферы виртуальных валют неоднократно обсуждались как в научных кругах³⁷, так и на уровне российских исполнительных и законодательных органов власти (законопроекты «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»³⁸ и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», разработанные Минфином России)³⁹.

В октябре 2017 г. состоялось совещание по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере, результатом которого стало поручение Президен-

³⁵ Merkblatt: Hinweise zum Tatbestand des Kryptoverwahrgeschäfts. BAFIN. URL: https://www.bafin.de/SharedDocs/Veroeffentlichungen/DE/Merkblatt/mb_200302_kryptoverwahrgeschaeft.html?nn=9021442 (дата обращения: 16.03.2020).

³⁶ Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн. Пресс-служба Центрального банка России. URL: http://www.cbr.ru/press/pr/?file=27012014_1825052.htm (дата обращения: 08.02.2019).

³⁷ Международная научно-практическая конференция «Электронная валюта в свете современных правовых и экономических вызовов» [Электронная валюта... 2016] экспертно-аналитическое исследование по заказу Аппарата Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации «Законодательное регулирование внедрения и практического применения современных финансовых технологий» [Ручкина и др., 2019]; аналитическое исследование по заказу Аппарата Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации «Возможности и способы нормативно-правового регулирования применения технологии блокчейн на финансовом рынке России с учетом мирового опыта». URL: <http://www.fa.ru/org/science/irce/blockchainlab/SiteAssets/1.10.pdf> (дата обращения: 26.03.2019) и др.

³⁸ Федеральный портал проектов нормативно-правовых актов URL: <https://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#nra=46853> (дата обращения: 08.02.2019).

³⁹ Федеральный портал проектов нормативно-правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#nra=18934> (дата обращения: 08.02.2019).

та РФ от 21 октября 2017 г. № Пр-2132⁴⁰, предполагавшее, в частности, до 1 июля 2018 г. внесение Правительством Российской Федерации совместно с Банком России в законодательство Российской Федерации изменений, предусматривающих определение статуса цифровых технологий, применяемых в финансовой сфере, и их понятий, исходя из обязательности рубля в качестве единственного законного платежного средства в Российской Федерации, а также установление требований к организации и осуществлению производства, основанного на принципах криптографии в среде распределенных реестров («майнинг»), включая регистрацию хозяйствующих субъектов, осуществляющих такую деятельность, а также определение порядка ее налогообложения.

Результатом данного поручения стал внесенный 20 марта 2018 г. в Государственную думу законопроект № 419059-7 «О цифровых финансовых активах»⁴¹, который в мае 2018 г. был принят в первом чтении. Под цифровыми финансовыми активами в нем понимается имущество в электронной форме, созданное с использованием криптографических средств. Право собственности на данное имущество удостоверяется путем внесения цифровых записей в реестр цифровых транзакций. К цифровым финансовым активам относятся криптовалюта, токен. Специально уточняется, что цифровые финансовые активы не являются законным средством платежа на территории Российской Федерации. При этом в 2018 г. данный законопроект был отозван по причине очевидных противоречий и недостаточной проработанности. В частности, в нем отсутствовал четкий терминологический аппарат: такие понятия, как «виртуальная валюта» или «криптовалюта», вообще не были определены. Кроме того, в нем не была представлена четкая дифференциация между различными типами цифровых финансовых активов.

Наряду с рассмотрением вопросов правового статуса и легитимности цифровых финансовых активов предпринимаются попытки разъяснения порядка налогообложения операций с данными видами активов и их финансовых результатов. ФНС в письме от 3 октября 2016 г. «О контроле за обращением криптовалют, в том числе биткойнов, на территории Российской Федерации»⁴² в ответ на вопрос о контроле за обращением криптовалют (виртуальных валют) разъяснила следующее: при том что в законодательстве Российской Федерации не закреплены такие понятия, как «денежный суррогат», «криптовалюта», «виртуальная валюта», запрета на проведение российскими гражданами и организациями операций с использованием криптовалюты законодательство Российской Федерации не содержит.

По мнению ФНС России, операции, связанные с приобретением или реализацией криптовалют с использованием валютных ценностей (иностранной валюты и внешних ценных бумаг) или валюты Российской Федерации, являются валютны-

⁴⁰ Перечень поручений по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере, состоявшегося 10 октября 2017 года. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55899> (дата обращения: 08.02.2019).

⁴¹ Система обеспечения государственной деятельности Госдумы РФ. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 26.03.2019).

⁴² Письмо ФНС «О контроле за обращением криптовалют, в том числе биткойнов, на территории Российской Федерации» от 3 октября 2016 г. № ОА-18-17/1027 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=357630428034336149884435585&cacheid=01AAD008349664A52483BA39A8B489DA&mode=splus&base=QSA&n=162766&rnd=6BF5594643DFD5E75C62527CE7C8C14A#k12aigykis> (дата обращения: 17.02.2020).

ми. ФНС России с учетом международной практики в сфере контроля за криптовалютами (виртуальными валютами) считает необходимым обеспечить правовую основу для получения налоговыми органами информации об операциях с криптовалютами от агентов и органов валютного контроля. Так, в письме Министерства финансов от 13 октября 2017 г. «Об НДС при совершении операций между физлицами по покупке и продаже биткойнов»⁴³ предлагается взимать НДС при совершении операций купли-продажи биткойнов между физическими лицами в соответствии с общим порядком налогообложения экономической выгоды в денежной или натуральной форме, так как особый порядок налогообложения доходов при совершении операций с биткойнами главой 23 НК РФ не установлен. При этом налогоплательщик должен самостоятельно декларировать подобные доходы.

Схожая логика применяется и по вопросу отражения доходов российской организации от операций с криптовалютой для расчета налога на прибыль организаций в письме Департамента налоговой и таможенной политики Минфина России от 9 февраля 2018 г.⁴⁴ В письме Министерства финансов России от 17 мая 2018 г. был конкретизирован порядок расчета НДС по операциям с криптовалютами: «База налога на доходы физических лиц по операциям купли-продажи криптовалют определяется в рублях как превышение общей суммы доходов, полученных налогоплательщиком в налоговом периоде от продажи, соответствующей криптовалютой, над общей суммой документально подтвержденных расходов на ее приобретение»⁴⁵.

Фактически Министерство финансов РФ и Федеральная налоговая служба пытаются ввести порядок обложения доходов бизнеса и государства, реализованный в странах, начавших регулирование данной сферы с 2014 г., а именно: обложить доходы от виртуальных валют налогом на прибыль организаций и налогом на доходы физических лиц. По нашему мнению, применение лучшей зарубежной практики следует осуществлять с учетом специфики прямого налогообложения в России. Налогообложение прибыли организаций в целом соответствует зарубежному опыту и, на наш взгляд, введение в него основных рассмотренных выше элементов, таких как учет криптовалют в рублях на дату приобретения и обложения финансового результата по сделкам с криптовалютами в момент их реализации, может стать важным шагом в построении комплексной системы регулирования цифровых финансовых активов в РФ. Вместе с тем целесообразность и возможность обложения соответствующих доходов физических лиц вызывает сомнение.

⁴³ Письмо Министерства финансов от 13 октября 2017 г. № 03-04-05/66994 «Об НДС при совершении операций между физлицами по покупке и продаже биткойнов» // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=71933412809141513556665732&cacheid=B7EC87C30D79D267BE4F0168F4820A7A&mode=splus&base=QSA&n=171788&rnd=6BF5594643DFD5E75C62527CE7C8C14A#1sd12nhs9yz> (дата обращения: 17.02.2020).

⁴⁴ Письмо Департамента налоговой и таможенной политики Минфина России от 9 февраля 2018 г. № 03-03-06/1/8061 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=10111811909947966649677558&cacheid=5EF006D3F9FEAD86D7B063105AD4DC98&mode=splus&base=QSA&n=174465&rnd=6BF5594643DFD5E75C62527CE7C8C14A#1jv4cv4cpws> (дата обращения: 17.02.2020).

⁴⁵ Письмо Министерства финансов России от 17 мая 2018 г. № 03-04-07/33234 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1529653477007414204420624793&cacheid=A05A74412523E370B4483564C431DE61&mode=splus&base=RZR&n=299587&rnd=6BF5594643DFD5E75C62527CE7C8C14A#2gqrkz2ko3y> (дата обращения: 17.02.2020).

Особенностью российской модели обложения доходов физических лиц является преимущественное удержание налога у источника доходов и менее развитая, по сравнению со странами с прогрессивным налогообложением доходов, система администрирования доходов. Безусловно, отдельные виды доходов физических лиц успешно облагаются подоходным налогом в России и по итогам их самостоятельного декларирования налогоплательщиком, однако это происходит благодаря возможности контролировать получение соответствующего дохода по косвенным признакам (например, для доходов, полученных по результатам розыгрыша призов при рекламных компаниях, это обязательство организаторов розыгрыша сообщать о выплаченных призах; для доходов от сдачи квартир в наем — возможность физического контроля данных операций). В этих условиях обложение доходов от майнинга и прироста стоимости криптовалют по базовой ставке 13% сталкивается с очевидной сложностью контроля за уплатой данного налога. Особенностью криптовалют является их виртуальная форма, не позволяющая взимать налог у источника дохода. При этом анонимность криптовалют затрудняет установление получателя соответствующего дохода. Потому, на наш взгляд, по крайней мере в начале создания комплексной системы нормативно-правового регулирования цифровых финансовых активов в целом и виртуальных валют в частности возможно освободить доходы физических лиц от обложения доходов по операциям с виртуальной валютой или криптовалютой (по аналогии с Сингапуром). Вместе с тем при создании криптобирж, регулируемых законодательством Российской Федерации, вопрос целесообразности взимания налога у источника при торговле криптовалютами требует отдельного рассмотрения.

Наиболее острой является проблема обложения операций с цифровыми финансовыми активами налогом на добавленную стоимость. Она может быть решена в двух плоскостях: либо в рамках трактовки и определения экономической сущности цифровых финансовых активов в целом и виртуальных валют в частности в российском законодательстве (при которых порядок обложения данных активов НДС будет производным), либо в сфере непосредственно налогового регулирования и разъяснения порядка взимания НДС или установления освобождения операций с цифровыми финансовыми активами и виртуальными валютами от налога на добавленную стоимость.

В настоящее время зачастую рассматривается лишь первый вариант, и в целях освобождения оборота виртуальных валют или криптовалют от обложения НДС лоббируются проекты признания криптовалют платежным средством, что получает серьезное сопротивление в денежно-кредитной сфере, особенно со стороны ЦБ РФ. В этом вопросе весьма примечательным является опыт Великобритании, где освобождение виртуальных валют от обложения косвенными налогами существует на фоне непризнания виртуальных валют платежным средством и осуществлено лишь в рамках налоговой сферы.

Основные характеристики налогового регулирования обращения виртуальных валют в Сингапуре, США, Великобритании, Японии и Германии, а также рекомендации по налоговому регулированию для России представлены в табл. 2 (страны размещены слева направо в порядке убывания строгости налогового регулирования).

Представляется, что при налогообложении виртуальные валюты в России следует рассматривать как разновидность имущества (табл. 2). При разработке ре-

Таблица 2. Подходы к налоговому регулированию виртуальных валют в различных странах

Характеристика	Япония	США*	Великобритания	Сингапур	Германия	Россия (предложения авторов)
Признание платежным средством	Да	Нет	Нет	Нет	Да	Нет
Начало налогового регулирования	2014 г.	2014 г.	2014 г.	2014 г.	2013 г.	Предложение авторов
Прямые налоги с юридических лиц						
Майнинг виртуальных валют	Не облагается, налог при реализации	Налог на прибыль по базовой ставке 21 %	Налог на прибыль по базовой ставке 19%. Порядок облагаемой базы не уточнен	Налог на доходы по базовой ставке 17%	Не облагается	Налог на прибыль по базовой ставке 20%
Доходы от купли/продажи виртуальной валюты как основная деятельность	Облагается по ставке 34 %			Не облагается. Отсутствует налог на прирост капитала	Облагается налогом на прирост капитал. При владении более года ставка налог 0 %	
Приобретение криптовалют с инвестиционными целями				Актив	Валюта	Имущество
Прямые налоги с физических лиц						
Майнинг виртуальных валют	Не облагается, налог при реализации	Облагается по базовой ставке подоходного налога (от 10 до 37 %)	Облагается по базовой ставке подоходного налога (от 10 до 45 %)	Не облагается налогом на доходы физических лиц	Не облагается	Освобождено от налогообложения
Приобретение виртуальных валют для личного потребления (приобретения товаров, работ, услуг)	Облагается по прогрессивной ставке от 15 до 55 %	Облагается: при владении более 1 года — налогом на прирост капитала по ставке от 15 до 20%; при владении менее 1 года — базовая ставка подоходного налога	Облагается по ставкам — от 10 до 20 %	Не облагается. Отсутствует налог на прирост капитала	Облагается налогом на прирост капитал. При владении более года ставка налог 0 %	

Трактовка для целей прямого налогообложения физических лиц	Имущество	Имущество	Имущество	Актив	Валюта	Имущество
Косвенные налоги						
Купля-продажа виртуальных валют	Не облагается	Н.д.	Не облагается	Налог на товары и услуги 7%. Оплата виртуальными валютами — бартер	Не облагается	Освобождено от обложения
Трактовка для целей косвенного налогообложения	Валюта		Валюта	Услуга	Валюта	Валюта (или льготлируемые операции)

Примечание: * для США рассмотрено только федеральное налоговое законодательство.

Составлено по: [PWC, 2018; EY, 2018]; Income Tax Treatment of Virtual Currencies // Inland Revenue Authority of Singapore. URL: <https://www.iras.gov.sg/irashome/Businesses/Companies/Working-out-Corporate-Income-Taxes/Specific-topics/Income-Tax-Treatment-of-Virtual-Currencies/> (дата обращения: 20.12.2018); GST Treatment: Sale of Virtual Currency // Inland Revenue Authority of Singapore. URL: <https://www.iras.gov.sg/IRASHome/GST/GST-registered-businesses/Specific-business-sectors/e-Commerce/#title5> (дата обращения: 20.12.2018); Revenue and Customs Brief 9 (2014): Bitcoin and Other Cryptocurrencies // HM Revenue & Customs. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/revenue-and-customs-brief-9-2014-bitcoin-and-other-cryptocurrencies> (дата обращения: 08.02.2019); Cryptosassets for Individuals // HM Revenue & Customs. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/tax-on-cryptosassets-for-individuals> (дата обращения: 08.02.2019); Notice 2014-21 // Internal Revenue Service. URL: <https://www.irs.gov/pub/irs-drop/n-14-21.pdf> (дата обращения: 20.12.2018); Taxation Relationship When Profit Arises by Using No.1524 Bitcoin. Corporate Profit Tax. URL: <https://www.nta.go.jp/m/taxanswer/1524.htm> (дата обращения: 08.02.2019); Taxation Relationship When Profit Arises by Using No. 1524 Bitcoin. Income Tax. URL: <https://www.nta.go.jp/taxes/shiraberu/taxanswer/shotoku/1524.htm> (дата обращения: 08.02.2019); Umsatzsteuerliche Behandlung von Bitcoin und anderen sog. virtuellen Währungen; EuGH-Urteil vom 22. Oktober 2015, C-264/14, Hedqvist // Bundesministerium der Finanzen. 27.02.2018. URL: https://www.bundesfinanzministerium.de/Content/DE/Downloads/BMF_Schreiben/Steuern/umsatzsteuer-Anwendungserlass/2018-02-27-umsatzsteuerliche-behandlung-von-bitcoin-und-anderen-sog-virtuellen-waehrungen.html (дата обращения: 08.02.2019); Tax Rates (Germany) // KPMG. URL: <https://home.kpmg/xx/en/home/insights/2011/12/germany-income-tax.html> (дата обращения: 11.03.2019).

жима налогообложения виртуальных валют в России целесообразно учитывать не только лучшие зарубежные практики, но и дополнять их мерами с учетом особенностей российского прямого и косвенного налогообложения. При этом, несмотря на обоснованность обложения доходов от операций с виртуальными валютами налогом на прибыль организаций, на наш взгляд, их следует освободить от обложения НДС. Вместе с тем освобождение от обложения НДС операций с виртуальными валютами рекомендуется реализовать исключительно в налоговой сфере, не ставя его в зависимость от признания виртуальных валют в качестве официального платежного средства. В целом налоговое регулирование виртуальных валют не обязательно является производным от денежно-кредитного регулирования. Налоговые подходы к обложению сделок с виртуальными валютами способны дополнить и сбалансировать иные сферы регулирования.

Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать выводы о сложившейся общей практике и национальных особенностях построения налоговых режимов применительно к виртуальным валютам в рассмотренных странах.

Во-первых, в большинстве исследуемых государств не существует унифицированного определения понятий «виртуальная валюта», «криптовалюта» или «криптоактив» не только на национальном уровне, но и на уровне разных регуляторов. За исключением Великобритании и Сингапура, отсутствует также классификации новых активов по их экономической природе или по выполняемым функциям. Это ведет к тому, что разные регулирующие органы, в том числе налоговые, пытаются сформировать самостоятельные подходы и трактовки данных экономических активов, не противоречащие сложившейся национальной практике налогообложения.

Во-вторых, налогообложение виртуальных валют осуществляется вне явной зависимости от подходов к законности соответствующих финансовых активов в денежно-кредитной сфере, а также трактовки самих виртуальных валют и операций с их использованием, которые различаются. При этом налоговая сфера нередко опирается на устоявшиеся взгляды на виртуальные валюты (например, в Великобритании и Германии), однако не обязательно является производной от них (Япония).

В-третьих, в большинстве стран прямое налогообложение результатов сделок с виртуальными валютами осуществляется по общим для различных видов доходов правилам, как это имеет место в США и Великобритании. Специальные условия взимания налогов, применяемые исключительно к доходам от виртуальных валют (что характерно, например, для доходов по ценным бумагам), редки.

В-четвертых, во всех рассмотренных странах, доходы, связанные с виртуальными валютами, облагаются подоходными налогами в корпоративной сфере, и тяжесть обложения обуславливается национальными условиями обложения прибыли компаний: наибольшая ставка (до 34 %) установлена в Японии, наименьшая (0 %) — в Сингапуре (отсутствие налога на прирост капитала в котором делает эту страну наиболее привлекательной для деятельности в сфере виртуальных валют). Трактовки виртуальных валют для целей взимания налога на доходы (прибыль) бизнеса схожи в США, Великобритании и Сингапуре — они выступают как

актив (имущество); в Японии и Германии порядок налогообложения совпадает с обложением валютных доходов.

В-пятых, что касается налога на доходы физических лиц, то он не взимается с доходов, связанных с виртуальными валютами, только в Сингапуре. В остальных проанализированных странах ключевые различия затрагивают вопросы о том: 1) возникают ли облагаемые доходы по итогам майнинга виртуальных валют (как в США) или только после реализации «добытой» валюты (как в Японии и Германии); 2) различаются ли налоговые последствия использования виртуальных валют для личного потребления или с инвестиционными целями; 3) взимается ли национальный подоходный налог, на каких условиях и по каким ставкам. В отношении обложения реализованного дохода после долгосрочного (более одного года) владения виртуальными валютами условия в США и Великобритании весьма схожи. Налоговые ставки составляют в среднем от 10 до 20 %, хотя размер дохода в прогрессии различается. В Германии схожая ставка применяется при обложении дохода от реализованного прироста стоимости виртуальных валют только при владении менее 1 года, в противном случае применяется ставка 0 %. На этом фоне обращает на себя внимание значительно более высокое обложение доходов физических лиц от виртуальных валют в Японии — по прогрессивной ставке от 15 до 55 %. Это позволяет сделать вывод о том, что в прямом налогообложении доходов физических лиц трактовка виртуальной валюты отличается от таковой в иных сферах налогового и денежно-кредитного регулирования.

В-шестых, наибольшее совпадение наблюдается в подходах к косвенному налогообложению. Только в Сингапуре из числа всех стран (без учета США) операции с виртуальными валютами облагаются налогом на товары и услуги. При этом освобождение от обложения налогом на добавленную стоимость или налогом с продаж не обязательно обуславливается трактовкой рассматриваемого инструмента как валюты.

В-седьмых, несмотря на обоснованность обложения доходов от операций с виртуальными валютами налогом на прибыль организаций в России, по мнению авторов, их следует освободить от обложения НДС/Л. При этом операции с виртуальными валютами также должны быть лишены обложения НДС, вне зависимости от признания виртуальных валют в качестве официального платежного средства в стране.

В целом налоговое регулирование обращения виртуальных валют как в развитых странах, так и в России способно снизить спекулятивное давление на рынке цифровых финансовых активов и привести к уменьшению волатильности курсов виртуальных валют. Обоснованное налоговое регулирование должно создать благоприятные условия для стимулирования неспекулятивных операций с виртуальными валютами и в рамках национальных юрисдикций и на международном уровне, стимулируя их использование в качестве средства платежа и средства сбережения.

Литература

Кочергин Д. А. (2016) Виртуальные валюты: современная интерпретация, функциональные особенности и рыночные перспективы. *Банковское дело*. № 7. С. 40–51.

- Кочергин Д. А. (2017) Место и роль виртуальных валют в современной платежной системе. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. Т. 33, № 1. С. 119–140.
- Кочергин Д. А. (2011) *Электронные деньги*. М.: Центр исследований платежных систем и расчетов. 424 с.
- Кузнецов В. А., Якубов А. В. (2016) О подходах в международном регулировании криптовалют (Bitcoin) в отдельных иностранных юрисдикциях. *Деньги и кредит*. № 3. С. 20–29.
- Кучеров И. И., Хаванова И. А. (2017) Налоговые последствия использования альтернативных платежных средств (теоретико-правовые аспекты). *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. Вып. 35. С. 66–72.
- Кучеров И. И. (2018) *Криптовалюта (идеи правовой идентификации и легитимации альтернативных платежных средств)*. М.: АО «Центр ЮрИнфоР». 204 с.
- Пинская М. Р., Цаган-Манджиева Е. Н. (2018) Налогообложение доходов от деятельности, связанной с криптовалютами. *Экономика. Налог. Право*. № 2. С. 138–148.
- Ручкина Г. Ф., Березин М. Ю., Демченко М. В. и др. (2019) *Внедрение и практическое применение современных финансовых технологий: законодательное регулирование*. М.: ИНФРА-М. 161 с.
- Сидоренко Э. Л. (2018) Правовой статус криптовалют в Российской Федерации. *Экономика. Налог. Право*. № 2. С. 129–137.
- Электронная валюта в свете современных правовых и экономических вызовов* (2016). Материалы международной научно-практической конференции. М.: Юрлитинформ. 494 с.
- Bal A. (2015) *How to Tax Bitcoin?* In: *Handbook of digital currency*. Ed. by D. Lee Kuo Chuen. Academic Press, pp. 267–282.
- Bal A. (2014) *Taxation of Virtual Currency*. *Institute of Tax Law and Economics*. Leiden, Leiden University. 327 p.
- Bitcoin Regulation: Global Impact, National Lawmaking* (2017). Axon Partners and ForkLog Research. 101 p. URL: https://forklog.com/pdf/FLC_Bitcoin_regulation_eng.pdf (дата обращения: 08.02.2019).
- Dwyer G. (2015) The Economics of Bitcoin and Similar Private Digital Currencies. *Journal of Financial Stability*, no. 17, pp. 81–91.
- EY (2018) *Worldwide Personal Tax and Immigration Guide 2018/2019*. 1640 p. URL: [https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-2018-19-worldwide-personal-tax-and-immigration-guide/\\$FILE/ey-2018-19-worldwide-personal-tax-and-immigration-guide.pdf](https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-2018-19-worldwide-personal-tax-and-immigration-guide/$FILE/ey-2018-19-worldwide-personal-tax-and-immigration-guide.pdf) (дата обращения: 08.02.2019).
- Kowalski P. (2015) Taxing Bitcoin: Transactions Under Polish Tax Law. *Comparative Economic Research*, vol. 18, no. 3, pp. 139–152.
- Munzer J. (2013) Bitcoins: Supervisory assessment and risks to users. *BaFin*, no. 12. 6 p.
- Marian O. (2013) Are Cryptocurrencies Super Tax Havens? *Michigan Law Review First Impressions*, vol. 112, pp. 38–48.
- PWC (2018). *Worldwide tax summary 2018–2019*. 2834 p. <https://www.pwc.com/gx/en/services/tax/worldwide-tax-summaries.html> (дата обращения: 08.02.2019).
- Regulation of Cryptocurrency in Selected Jurisdictions* (2018). The Law Library of Congress, Global Legal Research Center. 72 p. URL: <https://www.loc.gov/law/help/cryptocurrency/regulation-of-cryptocurrency.pdf> (дата обращения: 08.02.2019).
- Vishnevsky V. P., Chekina V. D. (2018) Robot vs. tax inspector or how the fourth industrial revolution will change the tax system: a review of problems and solutions. *Journal of Tax Reform*, vol. 4, no. 1, pp. 6–26.
- Weber B. (2016) Bitcoin and the Legitimacy Crisis of Money. *Cambridge Journal of Economics*, no. 40 (1), pp. 17–41.

Статья поступила в редакцию 02.04.2019

Статья рекомендована в печать 11.11.2019

Контактная информация:

Кочергин Дмитрий Анатольевич — д-р экон. наук, доц.; d.kochergin@spbu.ru
 Наталья Владимировна Покровская — канд. экон. наук, доц.; n.pokrovskaja@spbu.ru
 Достов Виктор Леонидович — канд. физ.-мат. наук; v.dostov@spbu.ru

Tax regulation of virtual currencies circulation: Foreign countries experience and prospects for Russia

D. A. Kochergin, N. V. Pokrovskaia, V. L. Dostov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Kochergin D. A., Pokrovskaia N. V., Dostov V. L. (2020) Tax regulation of virtual currencies circulation: Foreign countries experience and prospects for Russia. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, vol. 36, iss. 1, pp. 49–76. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.103>

This paper explores tax regulation of virtual currencies (VC) as a new class of digital assets. The relevance of the topic is due to wide development in the world of virtual currency operations in the absence of a unified interpretation of virtual currencies and in the absence of generally accepted regulation of digital assets. The research aims to identify economic and legal interpretations of virtual currency and to determine taxation of virtual currencies in foreign countries and drafting recommendations on taxation of virtual currencies transactions in Russia. Based on a study of tax regulation of virtual currencies in Singapore, UK, USA, Japan, and Germany, interpretations of virtual currencies are determined and their tax consequences are disclosed. We conclude that in countries analyzed, the interpretations of virtual currencies differ not only at the national level, but also at the level of regulatory authorities. The study did not find a correlation between taxation of virtual currencies and regulation of VC in monetary systems. In most countries, incomes from virtual currencies are subject to corporate taxes and the burden of taxation is defined by the domestic corporate taxation approach. The authors conclude that in Russia, implementation of best global practices should be complemented by specifics of domestic direct and indirect taxation. The paper suggests that incomes from virtual currencies be subject to corporate income tax but exempted from personal income tax. Transactions using virtual currencies should be exempted from VAT but without necessarily recognizing virtual currencies as official mean of payment.

Keywords: virtual currencies, cryptocurrencies, crypto-assets, digital financial assets, tax regulation, virtual currency taxation, cryptocurrency taxation, digital financial assets taxation.

References

- Bal A. (2014) *Taxation of Virtual Currency*. Institute of Tax Law and Economics. Leiden, Leiden University Press. 327 p.
- Bal A. (2015) How to Tax Bitcoin? In: *Handbook of digital currency*. D. Lee Kuo Chuen (Ed.). Academic Press, pp. 267–282.
- Bitcoin Regulation: Global Impact, National Lawmaking* (2017). Axon Partners and ForkLog Research. 101 p. URL: https://forklog.com/pdf/FLC_Bitcoin_regulation_eng.pdf (accessed: 08.02.2019).
- Dwyer G. (2015) The Economics of Bitcoin and Similar Private Digital Currencies. *Journal of Financial Stability*, no. 17, pp. 81–91.
- Electronic currency in the light of modern legal and economic challenges* (2016). Proceedings of the international scientific and practical conference. Moscow, Urlitinform Publ. 494 p. (In Russian)
- EY (2018). *Worldwide Personal Tax and Immigration Guide 2018/2019*. 1640 p. Available at: [https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-2018-19-worldwide-personal-tax-and-immigration-guide/\\$FILE/ey-2018-19-worldwide-personal-tax-and-immigration-guide.pdf](https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-2018-19-worldwide-personal-tax-and-immigration-guide/$FILE/ey-2018-19-worldwide-personal-tax-and-immigration-guide.pdf) (accessed: 08.02.2019).
- Kochergin D. A. (2011) *Electronic money*. Moscow, Center for Research of Payment Systems and Settlements. 424 p. (In Russian)
- Kochergin D. A. (2016) Virtual currencies: modern interpretation, functional features and market prospects. *Bankovskoe delo*, no. 7, pp. 40–51. (In Russian)
- Kochergin D. A. (2017) Place and role of virtual currencies in the modern payment system. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, vol. 33, no. 1, pp. 119–140. (In Russian)

- Kowalski P. (2015) Taxing Bitcoin: Transactions Under Polish Tax Law. *Comparative Economic Research*, vol. 18, no. 3, pp. 139–152.
- Kucherov I. I. (2018) *Cryptocurrency (ideas of legal identification and legitimation of alternative means of payment)*. Moscow, JurInfoR Center Publ. 204 p. (In Russian)
- Kucherov I. I., Khavanova I. A. (2017) Tax consequences of using alternative means of payment (theoretical and legal aspects). *Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki*, no. 35, pp. 66–72. (In Russian)
- Kuznetsov V. A., Yakubov A. V. (2016) On approaches to the international regulation of cryptocurrency (Bitcoin) in certain foreign jurisdictions. *Den'gi i kredit*, no. 3, pp. 20–29. (In Russian)
- Marian O. (2013) Are Cryptocurrencies Super Tax Havens? *Michigan Law Review First Impressions*, vol. 112, pp. 38–48.
- Munzer J. (2013) Bitcoins: Supervisory assessment and risks to users. *BaFin*, no. 12. 6 p.
- Pinskaya M. R., Tsagan-Mandzhieva E. N. (2018) Taxation of income from activities related to cryptocurrency. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, no. 2, pp. 138–148. (In Russian)
- PWC (2018). *Worldwide tax summary 2018–2019*. 2834 p. Available at: <https://www.pwc.com/gx/en/services/tax/worldwide-tax-summaries.html> (accessed: 08.02.2019).
- Regulation of Cryptocurrency in Selected Jurisdictions* (2018). The Law Library of Congress, Global Legal Research Center. 72 p. Available at: <https://www.loc.gov/law/help/cryptocurrency/regulation-of-cryptocurrency.pdf> (accessed: 08.02.2019).
- Ruchkina G. F., Berezin M. U., Demchenko M. V. et al. (2019) *Introduction and practical application of modern financial technologies: legislative regulation*. Moscow, INFRA-M Publ. 161 p. (In Russian)
- Sidorenko E. L. (2018) The legal status of cryptocurrency in the Russian Federation. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, no. 2, pp. 129–137. (In Russian)
- Vishnevsky V. P., Chekina V. D. (2018) Robot vs. tax inspector or how the fourth industrial revolution will change the tax system: a review of problems and solutions. *Journal of Tax Reform*, vol. 4, no. 1, pp. 6–26.
- Weber B. (2016) Bitcoin and the Legitimacy Crisis of Money. *Cambridge Journal of Economics*, no. 40 (1), pp. 17–41.

Received: 02.04.2019

Accepted: 11.11.2019

Authors' information:

Dmitry A. Kochergin — Doctor of Economics, Associate Professor; d.kochergin@spbu.ru
Natalia V. Pokrovskaya — PhD in Economics, Associate Professor; n.pokrovskaya@spbu.ru
Viktor L. Dostov — PhD in Physico-Mathematical Sciences; v.dostov@spbu.ru